ФОРМЫ И ПРЕДЕЛЫ УЧАСТИЯ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ

Юсупова Нигина Шухратовна

nigina.yusupova.03@mail.ru

Магистр права, выпускница магистратуры Ташкентского государственного юридического университета

г. Ташкент, Республика Узбекистан

Научный руководитель: и.о. доцента сектора Уголовно-процессуального права, д.ф.ю.н. **Рахимова Ульзана Хамидуллаевна**

Реформирование судебно-правовой системы Республики Узбекистан и утверждение состязательной модели уголовного судопроизводства выдвигают на первый план вопрос о реальном, а не декларативном участии защитника в доказывании. Формы участия адвоката охватывают регламентированные Уголовно-процессуальным кодексом [1] и Законом «Об адвокатуре» [2] внешние проявления его доказательственной деятельности. Пределы участия очерчивают границы дозволенного поведения, за которыми эта деятельность либо утрачивает процессуальное значение, либо вступает в противоречие с интересами правосудия.

Статья 53 УПК РУз наделяет защитника правом собирать и представлять сведения, которые могут быть признаны доказательствами после их процессуальной легализации. При этом ст. 87 УПК РУз связывает собирание доказательств с производством следственных и судебных действий. Как справедливо отмечает Г.З. Тулаганова, при формальном закреплении права на участие в доказывании возможности адвоката существенно ограничены отсутствием властных полномочий: защитник не может принудить свидетеля к даче показаний или произвести обыск, что порождает фактическое неравенство

сторон [8].

В российской доктрине С.А. Шейфер, понимая собирание как единство обнаружения, получения, фиксации и сохранения доказательств, отказывал защитнику в статусе полноценного субъекта собирания ввиду отсутствия в его деятельности удостоверительного элемента. Признание представленного объекта доказательством он считал «исключительной прерогативой органа расследования, прокурора и суда» [9]. Противоположную позицию занимает А.Д. Героев, обосновывающий право защиты на «параллельное расследование», в том числе на получение сведений из конфиденциальных источников без обязательного их раскрытия, если это не препятствует оценке допустимости [5].

Полагаем, что категорическое отрицание за защитником статуса субъекта собирания не согласуется с буквой закона: коль скоро законодатель (ст. 53 УПК РУз, ч. 3 ст. 86 УПК РФ [4]) применяет понятие «собирание» к деятельности защитника, она изначально обладает доказательственным значением. Вместе с тем следует согласиться с Г.З. Тулагановой в том, что пределы собирания определяются необязательностью действий адвоката для органов расследования.

Выход видится в трансформации права адвоката «собирать сведения» в корреспондирующую обязанность государства обеспечить их фиксацию. Институт следственного судьи, введённый законом, подписанным 28 января 2025 г. [3], пока ориентирован на рассмотрение ходатайств следователей и дознавателей о мерах процессуального принуждения. Целесообразно распространить его компетенцию на ходатайства защиты о производстве действий по закреплению указанных ею доказательств — по модели ряда государств континентальной Европы.

Важным инструментом собирания остаётся адвокатский запрос (ст. 7-1 Закона «Об адвокатуре»), позволяющий истребовать справки, характеристики и иные документы. Однако при отсутствии реальной ответственности

должностных лиц за его игнорирование эта форма участия во многом остаётся декларативной.

Представление доказательств, будучи логическим продолжением их собирания, выражается в заявлении ходатайств о приобщении к делу предметов и документов, полученных защитником, либо о производстве следственных действий (ст. 53 УПК РУз). Ключевой проблемой этой стадии является «процессуальная фильтрация». Как отмечал С.А. Шейфер, суд нередко руководствуется доказательствами, собранными на досудебных стадиях, «как бы принимая их на веру» [9]. Если защита ограничена в представлении своих данных, это формирует обвинительный уклон.

А.Д. Героев предлагает законодательно закрепить возможность немедленного судебного обжалования необоснованного отказа в удовлетворении ходатайства защиты, поставив тем самым коллизию сторон под контроль судебной власти [5]. Разделяя эту позицию, полагаем, что с введением следственного судьи для её реализации уже имеется готовый процессуальный механизм.

Действующая редакция ст. 87 УПК РУз создаёт впечатление, будто без решения следователя ни один предмет не может приобрести статус доказательства. Предлагается закрепить правило, согласно которому предметы и документы, представленные защитником, признаются доказательствами при условии их относимости, а вопросы допустимости и достоверности разрешаются в состязательной процедуре, а не единолично следователем.

Наиболее полно формы участия защитника реализуются в судебном разбирательстве, где осуществляются проверка (ст. 94 УПК РУз) и непосредственное исследование доказательств. Адвокат участвует в допросах, осмотрах, экспериментах, исследовании заключений экспертов. По мнению И.Б. Михайловской, участие защитника в судебном исследовании — это не пассивное

присутствие, а выдвижение версии защиты как тактического средства преодоления обвинительной версии, основанного на психологическом контакте с подзащитным [6].

Опираясь на запрет наводящих вопросов (ст. 102 УПК РУз) и выявляя нарушения порядка закрепления доказательств (ст. 90 УПК РУз), защитник ставит эффективный предел недобросовестным действиям стороны обвинения.

Существенным ограничителем остаётся положение специалиста (ст. 68 УПК РУз), который на практике выступает скорее помощником следователя, чем самостоятельным источником консультации для защиты. Считаем целесообразным предоставить адвокату право самостоятельно инициировать исследования специалистов, результаты которых исследуются в суде наравне с заключениями государственных экспертиз. Это расширит пределы участия защиты в оспаривании научных и технических данных.

Е. Яцишина выделяет признаки внутреннего убеждения судьи - необходимость личной непосредственной оценки и отсутствие формальных законодательных ограничений - и определяет его как психологическое состояние уверенности в правильности решения [10]. Т.Н. Москалькова указывает на этический предел участия адвоката в оценке: в отличие от суда, защитник односторонен и не вправе оценивать доказательства вопреки интересам подзащитного [7].

Аргументированная критика доказательств обвинения порождает разумные сомнения, которые в силу презумпции невиновности (ст. 23 УПК РУз) толкуются в пользу подсудимого. Разделяя позицию Е. Яцишиной о формировании внутреннего убеждения на основе непосредственного восприятия, отметим, что с развитием видеоконференцсвязи (ст. 91-1 — 91-4 УПК РУз) меняются и способы воздействия на него. Защитнику необходимо

учитывать особенности восприятия информации судом через экран, что задаёт новые пределы психологического воздействия.

Выводы и предложения

Адвокат-защитник является субъектом собирания доказательств, однако пределы его участия определяются отсутствием властных полномочий и необязательностью его действий для органов расследования.

Для преодоления дисбаланса сторон предлагается:

распространить компетенцию следственного судьи на ходатайства защиты о закреплении доказательств и на жалобы на отказ в их приобщении к делу;

закрепить в ст. 87 УПК РУз правило о признании представленных защитником предметов и документов доказательствами при условии их относимости, с разрешением вопросов допустимости и достоверности в состязательной процедуре;

установить ответственность должностных лиц за необоснованное неисполнение адвокатского запроса;

предоставить защитнику право самостоятельно инициировать исследования специалистов с оценкой их результатов наравне с заключениями экспертов.

3. Задача защитника в оценке доказательств — не доказать невиновность подзащитного, что противоречило бы возложению бремени доказывания на обвинение (ст. 23 УПК РУз), а продемонстрировать недоказанность его вины.

Список использованной литературы

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан: утв. Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2013-XIIhttps://lex.uz/docs/111463

Закон Республики Узбекистан Об адвокатуре от 27.12.1996 № 349-Ihttps://lex.uz/uz/docs/58372

Закон Республики Узбекистан О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан, направленных на дальнейшее усиление гарантий надежной защиты прав и свобод личности от 28.01.2025 г. № ЗРУ-1022https://lex.uz/ru/docs/7347873

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗhttps://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

Героев А. Д. Участие адвоката-защитника в доказывании на предварительном следствии: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 10–12

Михайловская И. Б. Участие адвоката в доказывании по уголовному делу // Адвокатура: учебник / отв. ред. М. С. Саликов. – М.: Омега-Л, 2003. – С. 138–142.

Москалькова Т. Н. Этика уголовно-процессуального доказывания. – М., 1996.

Tulaganova G.Z. Jinoyat ishlarida advokat ishtiroki // darslik: TDYU nashriyoti, 2026. – 256 b.

Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Тольятти, 1998. С. 45–46.

Яцишина О. Е. Внутреннее убеждение как основание свободы оценки доказательств в российском уголовном процессе: монография. – Челябинск: Изд-во ООО «Полиграф-Мастер», 2006. – С. 29.